

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе
и инновациям

ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»
М.В. Шарафан

«26» августа 2024 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» о значимости диссертационной работы Вишнякова Владимира Петровича на тему «Проблема “подлинности” в философии религии М. Хайдеггера до “поворота”», представленной к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии

Диссертационное исследование Вишнякова Владимира Петровича представляет собой систематическую аналитику проблематики подлинности в ранней философии Мартина Хайдеггера, включающую в себя реконструкцию исторических, концептуальных и биографических предпосылок концепции подлинности в творчестве немецкого мыслителя, которое, действительно, недостаточно исследовано в отечественном философском пространстве. Актуальность темы диссертации не вызывает сомнений и заключается не столько в том, что отечественная мысль, по сути, только начинает осваивать вопросы, поднятые «тайным королем философии» на ранних этапах его пути, сколько в природе самой философии, всегда требующей предельной прозрачности относительно собственных оснований. Диссертационное исследование отвечает этому требованию, по крайней мере, в двух аспектах: во-первых, без проблематизации подлинности невозможно приблизиться к существу самой философии, как ее понимает в своем проекте «метафизики метафизики» Хайдеггер, так как условия понятности смысла бытия вообще, выступающие условием возможности общей онтологии (*metaphysica generalis*), укоренены во временности, которая в своей сущностной целостности выявляется исключительно на пути феноменологической герменевтики саморазомкнутой подлинности *Dasein*; в этом отношении, задавая вопрос об «онтических источниках» концепции подлинности у Хайдеггера, мы *volens nolens* спрашиваем и об условиях

самой философии, даже если и не ставим напрямую, как в случае данного исследования, такой вопрос.

Во-вторых, степень актуальности бесспорно высока, если смотреть со стороны творчества и самого Хайдеггера, всегда призывавшего к честности относительно предпосылок – «герменевтической ситуации» – любого философского проекта, в том числе – и даже: прежде всего – своего собственного. Таков смысл деструкции истории онтологии, когда, казалось бы, за самопонятной, беспредпосылочной объективной и бесстрастной дескрипцией самих вещей, обнаруживаются скрытые предпосылки и некритично заимствованные из традиции понятия, зачастую почерпнутые из совершенно другой по отношению к «самой вещи» бытийной области и потому неадекватные ей. Описания экзистенции, представленные в «Бытии и времени», могут прочитываться как итоги осуществления «чистой» феноменологии Dasein, чем создавать впечатление прорыва к «самой вещи», однако, особенность философии Хайдеггера как раз и состоит в трезвом признании невозможности объективного постижения сущего ввиду не только «круговой структуры» самого толкователя, но и его неизбежной историчности, влекущей за собой историчность и «конечность» самой философии. Проникаясь хайдеггеровским пониманием философствования, автор диссертации стремится к ответственному размыканию условий и истоков – «религиозных корней» – представленной в «Бытии и времени», казалось бы, изначально атеистической позиции.

Еще один аспект актуальности данной работы заключается в этическом или экзистенциальном действии развернутого автором содержания: хотя работа и является научным текстом диссертационного исследования, строго выдерживающим все формальные требования, через вдумчивое толкование важнейших феноменов человеческого бытия она не может не отзываться «голосом совести», призывающего каждого к ответственности перед собственной экзистенцией. Это также отвечает хайдеггеровскому пониманию философии, призванной помимо рефлексии собственных оснований осуществлять и «обратный рывок жизни к самой себе».

В своем исследовании автор успешно справляется с поставленной целью и грамотно сформулированными в ее свете задачами. Внимательно прочитывая первоисточники, автор демонстрирует прекрасное знание как ранней мысли Хайдеггера, так и позиций тех философов и теологов, в диалоге с которыми эта мысль формировалась и, в итоге, обрела «собственный голос». Нельзя не сказать и о высоком уровне ориентирования в сфере исследовательской литературы по проблематике ранней мысли Хайдеггера. Отметим и уместное обращение к эпистолярному наследию философа, подкрепляющее по ходу исследования основные выводы автора,

которые оказываются обоснованными и эмпирически текстуально и логически концептуально. Особое внимание заслуживает осуществленное автором центральное для всей работы генеалогическое возвращение методически атеистической позиции «Бытия и времени» в ее религиозно-теологическое измерение, скрупулезно раскрытое автором посредством удачно сочетаемых методов исследования, позволивших с феноменологической очевидностью восстановить и осветить биографический, исторический и философско-теологический контексты становления хайдеггеровской концепции подлинности.

Анализ отдельных феноменов подлинности (например, «совести», «тревоги», «смерти»), какими они предстают в итоговой экзистенциальной аналитике, в свете их ранних теологических истоков свидетельствует как о герменевтическом мастерстве автора, так и о его подлинно философском отношении к исследуемому материалу. Особой – без сомнения, так же высокой – оценки заслуживает и темпоральная интерпретация этих феноменов, свидетельствующая о скрытом теологическом измерении проблематики исходной временности экзистенции. Дополняя друг друга, в работе удачно сплетаются религиозно-теологические темы с онтологическими и даже чисто логическими, что характеризует автора как ориентирующегося на высоком уровне во взаимосвязях зачастую крайне сложных для понимания сюжетов истории философии и теологии.

Таким образом, можно справедливо отметить, что представленные в диссертационной работе основные положения вносят существенный вклад как в понимание философии Хайдеггера в ее становлении и развитии, так и в разработку вопроса о генезисе самой философии в ее тесной связи и диалоге с теологией и религией. Ряд ключевых положений и выводов диссертационного исследования представлены в научных публикациях автора и апробированы в сделанных в ходе научных конференций докладах. Автореферат отражает содержание диссертации и соответствует установленным требованиям.

Замечания по работе. Начнем с более формальных замечаний, касающихся стилистики текста и его оформления, постепенно переходя к более содержательным моментам, и завершим отзыв концептуальными замечаниями, носящими рекомендательный характер для дальнейших исследований с целью развития выбранной проблематики. К сожалению, в тексте работы нередко встречаются опечатки, служащие основанием рассогласования членов предложения и иногда порождающие курьезные смыслы, например, в случае со сноской 221 на странице 77: «Кьеркегор описывал опт “мира-самого-себя”». Отметим и пунктуационные недочеты как в основном тексте работы, так и в сносках с цитируемыми источниками,

оформление которых по всему тексту – как и библиографического списка – не совсем унифицировано. Принятое в случае цитирования русскоязычных источников стандартное обозначение «Там же. С.» встречается всего раз (страница 88), вместо него используется странный симбиоз латинского и русского «Ibid. С.».

Указание веков осуществляется посредством арабских цифр, а не римских, что не остается незамеченным, как и излишнее дублирование по всему тексту сокращений семестров по-немецки (“WS”, “SS”) и русскоязычных полноценных обозначений («зимний семестр», «летний семестр»), а также два различных варианта выделения кавычками и в основном тексте, и в содержании выражения «до поворота»: в некоторых случаях оно целиком попадает в кавычки, в других – что более корректно – выделяется только «поворот».

Крайне смущает представленный, скорее всего, по недосмотру, на странице 79 диссертационного исследования перевод выражения “Verständnis des Urchristentums” как «понимание первобытного христианства», когда, очевидно, “Urchristentum” следовало бы передавать как «изначальное христианство», как это и сделано автором во всех остальных случаях. Укажем и на другие фактические неточности (они присутствуют и в автореферате). Говоря на странице 10 диссертационного исследования о курсе зимнего семестра 1919/20 г. «Основные проблемы феноменологии», автор обозначает его как 63-ий том собрания сочинений Хайдеггера и в примечании 44 закономерным, но ошибочным образом дает ссылку на этот том (“Heidegger M. Gesamtausgabe, vol. 63. Ontologie (Hermeneutik der Faktizität). Frankfurt: Vittorio Klostermann, 1988”), однако курс “Grundprobleme der Phänomenologie” издан под 58-ым томом.

Не совсем верным, на наш взгляд, является такая однозначная датировка «Поворота» Хайдеггера 1927 годом; с первых страниц своей работы автор уверенно заявляет, что ранний этап философского развития Хайдеггера завершается публикацией трактата «Бытие и время», и «Поворот» происходит в 1927 году, хотя, в действительности, Хайдеггер, по меньшей мере, еще несколько лет оставался верен оптике фундаментальной онтологии, о чем свидетельствуют как лекционные курсы и доклады второй половины 20-ых – начала 30-ых годов, так и работа «Кант и проблема метафизики» 1929 года, уточняющая и развивающая идеи «Бытия и времени». Только весной 1932 года, если верить личной записи Хайдеггера (94-ый том Gesamtausgabe), он осознал «всю чуждость» своих прежних произведений. В данном случае датировка «Поворота» 1927 годом не так уж безобидна, поскольку, складывается впечатление, что из-за нее, будучи убежденным, что «границей в исследовании развития темы “подлинности” в

философии М. Хайдеггера является его главный труд “Бытие и время”» (страница 10) автор заведомо игнорирует многие работы мыслителя (в том числе, кстати, и курсы до 1927 года), в которых можно найти очень ценные пассажи и для разработки проблематики подлинности, и для осмысления связи этой проблематики с христианством и теологическим измерением. Приведем несколько примеров.

В курсе зимнего семестра 1929/30 г. «Основные понятия метафизики» (29/30-ые тома) можно найти разъяснения относительно «формального указания философских понятий» на примере проблемы смерти, что, очевидно, напрямую связано и с темой подлинности, и с методом формального указания, которого в диссертационной работе придерживается сам автор. В 23-ем томе, в курсе по истории философии от Фомы Аквинского до Канта, Хайдеггер дает свое обоснование принципиального атеизма – или «безбожия» (Gottlosigkeit) – философии, которое также могло быть задействовано в тексте диссертации в контексте проблематики «философ не верит». Наконец, в 21-ом томе, в котором опубликован курс зимнего семестра 1925/26 г. встречаются примечательные размышления относительно «влияния» христианства: только потому, объясняет Хайдеггер, что Dasein как таковое в самом себе определено как забота, оно может истолковать себя специфически христианским образом, но это не вовсе не значит, что вся экзистенциальная аналитика оказывается тотально зависимой от какой-либо догматики, якобы черпая из нее все содержание и пропуская его для представления в философском тексте через «горнило секуляризации».

Заметим, что проблеме подлинности и аналитике Dasein Хайдеггер не переставал уделять внимание на протяжении всего пути своей мысли, споря с собой, но, главным образом, проясняя и уточняя собственную, выраженную до «Поворота», позицию. В порядке рекомендации хотелось бы пожелать автору в дальнейшем не ограничиваться избранными им текстами, но привлекать гораздо больше томов из наследия мыслителя, а также не пренебрегать исследованиями мысли Хайдеггера на немецком и французском языках, поскольку – и этого нельзя не заметить – цитируемая автором вторичная иностранная литература по проблеме хоть и приведена в достаточном количестве, все же оказывается англоязычной *par excellence*.

Иногда, пусть и не часто, складывается впечатление реферативности изложения, особенно когда автор, приводя и анализируя мысль Хайдеггера, цитирует не первоисточник, а вторичную англоязычную литературу (особенно абзацы со сносками 105, 122, 151, 223, 258), которая уместнее смотрелась бы после указания первоисточника. Также встает вопрос об использовании англоязычных переводов некоторых текстов Хайдеггера,

тогда как в других случаях автор с уверенностью работает с оригинальными немецкими изданиями из состава Gesamtausgabe.

В числе методов диссертационного исследования автор заявляет «деконструкцию», нередко приписывая ее и самому Хайдеггеру (страницы 13, 19, 20, 35, 67, 89, 118), переводя так немецкое “Abbau” из 59 тома Gesamtausgabe (страница 67 диссертации) и закономерно синонимизируя «феноменологически-критическую деструкцию» и деконструкцию. В связи с этим возникают вопросы не только об уместности такого перевода, но и о легитимности номинального и концептуального использования «деконструкции» – действующей исключительно в поле текста и традиционно ассоциирующейся у исследователей именно с позицией Деррида – в работе, посвященной аналитике хайдеггеровской герменевтики фактичности. Насколько прояснение автором «онтических источников» хайдеггеровской концепции подлинности оказывается именно «деконструкцией» этой концепции, а не, скажем, деструкцией? Насколько сама хайдеггеровская экзистенциальная – или экзистенциально-темпоральная – аналитика – или герменевтика – религиозного опыта может быть (обозначена) деконструкцией? Насколько вообще могут быть деконструированы «сама жизнь» и «основоопыт»? Не возникает ли неизбежная двусмысленность в таких выражениях автора, как «деконструкция религиозного опыта», «деконструкция М. Хайдеггером фактичной жизни (“основоопыта”) ранних христиан», которую можно было бы избежать за счет прояснения в примечании смысла, вкладываемого автором в «деконструкцию», каковая без каких-либо уточнений применяется им как по отношению к «жизни» и «опыту», так и по отношению к «концепциям»? Создается впечатление, что реконструкция иногда подменяется деконструкцией.

Автор начинает обоснование актуальности своей работы указанием на то, что «проблема “подлинности” недостаточно систематически разобрана в исследовательской литературе» и «очень ограниченно исследована на русском языке» (страница 4), но такой аргумент, очевидно, относясь к разделу «степень разработанности» («изученности») темы, крайне косвенно раскрывает актуальность, скорее, последняя, как уже было указано, связана с предельно рефлексивной природой философского разума и его требованием трезвого знания предпосылок и условий разрабатываемых концепций, тем более, в случае Хайдеггера, который, отрицая возможность незаинтересованной, чистой дескрипции и видя в ней всегда интерпретацию, призывал к честному размыканию герменевтических условий любой мысли; кроме того, именно подлинность позволяет разомкнуть временность Dasein, которая отвечает за формирование философских понятий и делает

возможным (пред)понимание главного – бытия вообще, на основании которого оказывается возможной философия в смысле онтологии. Таким образом, в проблеме подлинности укоренен главный вопрос всей философии о ее собственной сущности, в чем и заключается актуальность данной работы. Перейдем к более содержательным замечаниям относительно некоторых пассажей.

Так во введении на странице 5 своего исследования автор отмечает, что «Вопрос о “подлинном” существовании... в широком смысле актуален для повседневной жизни», что кажется спорным, поскольку как раз повседневность такой жизни как раз означает ее беспроblemность и успокоенность в отношении самой себя, так что никакие философские вопросы – тем более о подлинности, от которой повседневность «бежит», – в принципе, не могут быть для нее актуальными, представляя неким несерьезным и пустым словопрением по сравнению с «практическими проблемами» и «повседневными заботами». Сам же автор на странице 126 пишет, что «“неподлинная” жизнь является настолько ближайшей, само собой разумеющейся, привычной, удобной и поддержанной одобрением окружающих, что, чаще всего, она просто не распознается. Само осознание ее характеристик, возможно только в модусе “подлинности”». На страницах 14 и 56 автор определяет подлинность через «способность постигать сущее в его бытийном истоке, в мышлении, основанном на “живом созерцании”». – Не слишком ли теоретически представленная подлинность? Разве Dasein не может быть подлинным и без постижения сущего в его истоке? Я могу экзистировать подлинно и без всякой рефлексии об истоках своей подлинности, не задавая никакого вопроса об ее условиях, но лишь размыкаясь себе в своей «ничтожности» без концептуального размыкания смысла собственного бытия. На странице 9 автор заявляет, что в своей работе намерен «показать центральное значение эсхатологической интерпретации и богословия М. Лютера для проблематики “подлинности” в работах М. Хайдеггера до “поворота”» и далее на странице 42 уточняет, что «понимание М. Хайдеггером структуры Dasein... первоначально в значительной мере обязано схоластической традиции». – Не возникает ли здесь опасность редукции «онтических источников» концепции подлинности исключительно к христианскому дискурсу? Как известно, некоторые исследователи ставят серьезный вопрос о том, не является ли «Бытие и время» своеобразным переводом этики Аристотеля (Volpi F. “Being and Time: A “Translation” of the Nicomachean Ethics?”). В этой связи, возможно, автору стоило бы ослабить если и не свою позицию в целом, то, по крайней мере, такое однозначное ее выражение и более аккуратно вести речь – как, собственно, и сделано в заключении (страница 179) – именно о «влиянии

теологических концепций на мышление М. Хайдеггера», а не о «парадигматической роли» христианства и религиозного опыта для истолкования подлинности (страницы 83, 89, 103, 118, 164). Тем более, что автор с самых первых страниц работы и на всем ее протяжении признает роль (физики и этики) Аристотеля в формировании взглядов Хайдеггера и даже – повлиявшего на него – Лютера (страницы 4, 9, 11, 17, 20, 22, 56, 98, 103), однако все же не отступает от (прямого выражения) своей позиции, заключающейся в том, что «феноменологическая герменевтика и фундаментальная онтология М. Хайдеггера происходят из его философии религии» (страница 179). С этим Хайдеггер точно не согласился бы, поскольку, если герменевтика фактичности и могла вдохновляться на ранних этапах и в каких-то аспектах Лютером, Августином, Шлейермахером и Кьеркегором, то фундаментальная онтология, ставящая главный для мысли Хайдеггера вопрос об условии возможности разомкнутости смысла бытия вообще, очевидно, имеет совсем другие «онтические источники», а не труды перечисленных мыслителей, в творчестве которых постановка бытийного вопроса едва ли обнаруживается хотя бы в качестве намека. В этом отношении сам Хайдеггер всегда критиковал якобы обнаруживающуюся зависимость фундаментально онтологической позиции от Кьеркегора, который не зря никогда не признавался Хайдеггером даже философом, а исключительно «религиозным писателем / мыслителем» (см., например, «Слова Ницше “Бог мертв”», курс 1941 г. «Метафизика немецкого идеализма»), поскольку «к решающему вопросу о существовании бытия сущего Кьеркегор не имел ни малейшего отношения» («Что зовется мышлением?»).

Явно выраженная сосредоточенность автора диссертационной работы на религиозных корнях мысли Хайдеггера, достигает «апогея» в следующих – сильно обобщающих, не проясненных и, пожалуй, крайне спорных – пассажах: «В силу своего происхождения и постоянной соотнесенности с опытом веры, ответы на главные вопросы в философии М. Хайдеггера оказываются (биографически, исторически и концептуально) связаны с исследованием сущности религиозности и подлинного способа существования» (страница 26). – Критика в данном случае касается как постоянства такой соотнесенности, так и определения условий ответов на главные вопросы через исследования религиозности и подлинности. Учитывается ли здесь, помимо всего прочего, «Поворот», при котором подлинность, не говоря уже о религиозности, явно перестает быть ведущей к истине бытия темой мысли Хайдеггера? Далее: «“Обретение собственного голоса” в философии было связано с изучением М. Хайдеггером фактического опыта ранних христиан» (страница 23). – Но ведь не только эти источники позволили Хайдеггеру обрести собственный голос. Наконец: «в личной

ситуации М. Хайдеггера, именно философия религии оказывается источником, ведущим к постижению самой философии» (страница 12). – Во-первых, к постижению самой философии (то есть к осуществлению проекта «метафизики метафизики») – опять же – ведут, разумеется, и другие источники; во-вторых, проблематика постижения самой философии как «общей метафизики» вряд ли так радикально укоренена в «частной» философии религии.

Перейдем, наконец, к решающим моментам, открывающим поле для дискуссий. Бесспорно, что позиция автора ясна, достаточно обоснована, концептуально проработана и «эмпирически», или текстуально подтверждена. Результаты представленной Хайдеггером в «Бытии и времени», лекционных курсах и докладах 1920–1932 гг. экзистенциальной аналитики *Dasein*, действительно могут прочитываться в контексте ранних теологических штудий философа, однако, здесь и возникает главный вопрос, порождаемый всем диссертационным исследованием, который, к сожалению, не формулируется автором в явном виде. – Насколько – и как вообще – возможна феноменология? Насколько возможно, пусть даже отягощенное «мировоззренческими» предпосылками и «биографическими» перипетиями, возвращение к «самим вещам», а не текстам? Являются ли труды Августина и Лютера последними «онтическими источниками» концепции подлинности? Или таковой все-таки выступает фактическая жизнь в ее экзистенциальной структуре и основовозможностях, в ее повседневном проживании каждым из нас и во внезапно открывшемся в ней самой и посредством нее самой «благодатном» мгновении подлинности и близости с самой собой? Если верно первое, то можно ли верить Хайдеггеру, когда, призывая философию «из самих своих вещей черпать свои понятия», он говорит «сначала – только феномены, затем – понятия»? Уместно ли называть труды Августина, Лютера и Кьеркегора «онтическими источниками для онтологии» (страница 39)? Или таковым является сам феномен фактичности / экзистенции / *Dasein*?

На основании видения самой жизни размыкается ее экзистенциальная структура или же на основании прочтения избранных текстов традиции? Действительно ли для «подлинной философии» было необходимо «изначальное христианство» (страница 92) или же, скорее, трезвость и «методическая наивность», позволяющие освободиться от «превратных самопонятностей» с целью вернуться к «самой жизни»? Насколько правомерно видеть условия результатов герменевтической работы Хайдеггера по аналитике фактичности в якобы намеренно осуществленной им «редукции трансцендентного и бесконечного содержания», в «ограничении сферы опыта конечными и имманентными переживаниями» и, наконец, в «итоговом отказе от рассмотрения феноменов надежды и какого-

либо потока опыта, исходящего от Бога» (страница 105), критикуя Хайдеггера в «неполном» и даже «искажающем описании фактической жизни», в «отрицании феноменальной данности бесконечной божественности» и «игнорировании собственного источника» (страницы 25, 40)?

Мы оставляем эти вопросы открытыми. Буквальное прочтение Хайдеггера создает впечатление герменевтики «самой жизни», понимаемой в качестве реального онтического истока любых концепций, в качестве и исполнителя, и объекта всякой герменевтики; еще более буквальное – неизбежность всегда уже начавшейся замкнутой игры означающих с невозможностью прорыва к «трансцендентальному означаемому», по выражению Жака Деррида. Заметим только, что, неслучайно называя свой текст именно «Проблема “подлинности” в философии религии...», а не «Философия религии как исток проблемы “подлинности”...», в одном месте сам автор замечает, что «еще до анализа “изначального христианства”, у М. Хайдеггера уже было общее понимание идеала “подлинности”», и в посланиях апостола Павла и у Августина он лишь «обнаружил то, что искал ранее» (страница 155). Завершая отзыв, хочется сказать, что мы точно можем и должны быть благодарны автору за то, что в своей диссертационной работе он так пронизательно показал нам возможный путь обратного превращения всматривающегося в бытие и время атеистического «хладнокровного» (А. Камю) мышления в его скрытый исток – в стремящуюся к самоосвобождению самости герменевтику религиозного опыта, страстно жаждущую в противовес повседневности разомкнуть новые измерения экзистенции.

Указанные замечания нисколько не снижают ни ценности работы, ни ее значимости как для освоения путей Хайдеггера, так и для осмысления существа самой философии. Автореферат соответствует содержанию диссертации. В публикациях по теме в реферируемых журналах, рекомендованных ВАК, отражены основные результаты исследования. Диссертационное исследование «Проблема “подлинности” в философии религии М. Хайдеггера до “поворота”», несомненно, выполнено на высоком профессиональном уровне и полностью соответствует всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата философских наук, установленным 9, 10, 11, 13, 14 Положениями о присуждении ученых степеней, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 30.07.2014 № 723, от 21.04.2016 № 335, от 02.08.2016 № 748, от 29.05.2017 № 650, от 28.08.2017 № 1024, от 01.10.2018 № 1168, с изм., внесенными Решением Верховного Суда РФ от 21.04.2014 № АКПИ14-115, Постановлением Правительства РФ от 26.05.2020

№ 751), а автор диссертации, Вишняков Владимир Петрович, однозначно заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии.

Настоящий отзыв составлен Вавиловым Антоном Валерьевичем, кандидатом философских наук, доцентом кафедры философии, теологии и религиоведения факультета истории, социологии и международных отношений федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет». Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры философии, теологии и религиоведения, протокол от «26» августа 2024 г. № 1. Присутствовало на заседании 16 человек. В обсуждении приняли участие 6 человек. Результаты голосования: «за» – 16 чел., «против» – 0 чел., «воздержалось» – 0 чел.

Заведующий кафедрой философии, теологии
и религиоведения факультета истории, социологии
и международных отношений
ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»,
доктор философских наук, доцент

П.Е. Бойко
/Павел Евгеньевич Бойко/

Адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.
ФГБОУ ВО «КубГУ», кафедра философии, теологии и религиоведения
Телефон: 8(861)2199501, доб. 224
Факс 8(861)2199517
E-mail: philos@kubsu.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации
Почтовый адрес: 350040, Краснодарский край, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, д. 149.
Тел.: 8(861)219-95-02.
E-mail: rector@kubsu.ru
Официальный сайт: www.kubsu.ru

